
Владимир Кожедеев
Приключения коллежского асессора Мышкина и Кота Генри

Юмор. Комедии. Приключения

Владимир Кожедеев

Приключения коллежского асессора Мышкина и кота Генри

«Автор»
2026

Кожедеев В.

Приключения коллежского асессора Мышкина и кота Генри / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Юмор. Комедии. Приключения)

Петербург, 1824 год. Сырая осень, жёлтые листья и преступления, которые пахнут жасмином.Коллежский асессор Иван Андреевич Мышкин — человек с уникальным нюхом и хроническим невезением. Его напарник — рыжий кот Генри — обладает интеллектом Шерлока Холмса, характером кота Матроскина и тайной способностью говорить (только когда считает нужным, а это случается редко).Вместе они расследуют дела, от которых у нормальных людей пропадает аппетит: исчезновение вкуса у графов, ожившие памятники, говорящие репы, фальшивые мятные рубли, подпольные общества поваров-вендеттистов и тайные лаборатории в подвалах Казанского собора.В их компании — две Лизы (одна человек, другая крыса, и не всегда понятно, кто из них кто), ворон-интеллектуал Аркадий, квартальный надзиратель, который однажды побывал львом, и бронзовый Пётр Великий, который периодически сходит с постамента, чтобы выпить чаю.Это истории о вкусе и беспамятстве, о деньгах и совести, о сметане и справедливости.

© Кожедеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 7
Глава 3. 9
Глава 4. 12
Глава 5. 15
Глава 6. 19
Глава 7. 23
Глава 8. 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Приключения коллежского асессора Мышкина и кота Генри

Глава 1.

Сентябрь 1824 года вошёл в Санкт-Петербург не как осень, а как заботливый гробовщик — с сырым бархатом туч, запахом ладана от гниющей Невы и меланхолией, которую разливали по уличным фонарям вместе с конопляным маслом. Город чихал, кутался в шинели и откровенно недолюбливал жизнь. Именно в такой промозглый вторник коллежский асессор Иван Андреевич Мышкин, слывший в сыскной полиции человеком, способным учуять подделку за три квартала, потерял свой завтрак.

Бутерброд с холодной телятиной и хреном, предусмотрительно оставленный на ночь на дубовом бюро, бесследно исчез. Даже масляного пятна не осталось — только крошечная лужица уксуса, которой там быть не могло. Мышкин нюхнул. Уксус пах жасмином.

На подоконнике, свернувшись калачиком, спал рыжий кот Генри — знаменитость всей Офицерской улицы. Про Генри ходили слухи, что он брал взятки воблою от лавочника с Садовой и однажды лично указал городовому на карманника, усевшись тому на сапог. Сейчас кот приоткрыл один глаз, зевнул с таким видом, будто философски осуждал мироздание, и демонстративно отвернулся к печке.

— Генри, — строго сказал Мышкин, застёгивая сюртук на все пуговицы, — улика была вещественной. Ты хоть крошку оставил для следствия?

Кот фыркнул. Затем медленно, с достоинством ростовщика, перелез на бюро и лапой ткнул в оставленный на столе засаленный конверт. Мышкин только сейчас его заметил. Вчера вечером конверта не было. Значит, пока он спал, кто-то побывал в казённой квартире, украл бутерброд, пролил уксус — и даже не разбудил Генри? Или сам Генри был в доле?

Внутри конверта, пахнущего валерьяной и тревогой, оказалась визитная карточка: Граф Александр Дмитриевич Воронцов-Вилкин, Собственный Его Императорского Величества дегустатор (почётный). А ниже карандашом, дрожащей рукой: «Уксус пахнет жасмином. Еда убегает. Аппетита нет третий день. Гибну. Спасите. P.S. Кот Фёдор охрип».

Мышкин перечитал трижды. Аппетит у графа Воронцова-Вилкина — это был нерушимый столп империи, гастрономическая легенда Петербурга. Говорили, что в Отечественную войну 1812 года граф съел целого барана накануне Бородинского сражения и после этого единственный из штабных офицеров не побежал, а поплёлся в атаку с чувством глубокого неудовольствия, что обед прервали. За обедом он умудрялся съедать порцию на троих гвардейцев, а его рекорд — четырнадцать блинов с икрой за один присест, запитых тремя тарелками солянки. Если у такого человека пропал аппетит, это не болезнь. Это диверсия.

— Генри, — Мышкин понизил голос до шёпота, — ты чуешь жанр? Тут попахивает государственной изменой. Или домовым. Или тем и другим одновременно.

Кот спрыгнул с подоконника, деловито потрусил к двери и оглянулся: «Ну, чего встал? Беру дело».

Особняк Воронцова-Вилкина на Мойке встретил их запахом, который Мышкин мысленно классифицировал как «апокалипсис со сливками». В парадной, обитой малиновым бархатом, витал сложный букет: с одной стороны — дорогие французские духи, с другой — явственно сквозил аромат прокисших щей и горящей скорлупы.

Граф встретил их в шлафроке, подпоясанном шнурком от гардины. Это был грузный мужчина лет сорока пяти, с лицом, которое в лучшие времена напоминало сытый месяц, а

сейчас — сморщенный печёный картофель. Он сидел за огромным дубовым столом, где было пусто, если не считать одинокой рюмки с уксусом.

— Иван Андреевич! — взвыл граф басом, в котором слышались ноты обречённого тенора. — Гибну! Вчера повар подал уху. Я нюхаю — пахнет розами! Уха, Карл! А когда я попробовал... — граф судорожно сглотнул, — она оказалась на вкус как клюквенный морс. Но с икринками. Сегодня утром булька «соловецкая» издала звук, похожий на вальс. А кот Фёдор после этого... — он указал в угол, где на персидской подушке лежал чёрный кот с выпученными глазами и бесшумно открывал пасть, — лишился голоса! Мяукнуть не может, только губами шевелит!

Мышкин осторожно понюхал рюмку. Уксус пах жасмином. Точно так же, как сегодня утром у него в квартире. Он переглянулся с Генри. Рыжий кот подошёл к Фёдору, ткнулся носом в чёрную морду, затем медленно, демонстративно чихнул и отошёл к двери на кухню.

— Граф, — Мышкин присел на корточки, разглядывая столовое серебро, которое почему-то покрылось зеленоватым налётом, — скажите честно: не было ли у вас в последнее время гостей? Женщин? Учёных? Личностей сомнительной наружности, которые настаивали, чтобы вы попробовали «новый соус»?

Граф побледнел ещё сильнее.

— Была... Была одна. Третьего дня. Графиня Хованская-Перепелкина. Вдова. Привезла домашний уксус на травах. Сказала: «Ах, граф, какой у вас нюх! Проверим?». Я понюхал — жасмин. Чистый жасмин. Выпил рюмку — и вот... — он развёл руками, под которыми заколыхались складки шлафрока.

В этот момент Генри, который бесследно исчез за кухонной дверью, вернулся с явной уликой в зубах: маленьким стеклянным пузырьком с остатками мутной жидкости. На этикетке, написанной каллиграфическим почерком, значилось: «Эссенция Седьмого Чувства. Отвар из трав Забвения и корня Противоречия. Применять с осторожностью. Противопоказано: графам, дегустаторам и котам с тонкой психикой».

Мышкин взял пузырёк пинцетом, понюхал. Запах жасмина мгновенно сменился ароматом жареного лука, потом — мокрой шерсти, а потом — вообще ничем.

— Генри, — медленно произнёс он, — ты знаешь, что это?

Кот сел на задние лапы и тремя движениями хвоста изобразил азбуку Морзе: «О-п-а-с-н-о».

— Вот именно, — кивнул Мышкин, поворачиваясь к обмершему графу. — Ваше сиятельство, позвольте вас поздравить. Вы не заболели. Вы — жертва первого в истории России преступления против обоняния. Кто-то украл ваш вкус. И пахнет здесь не жасмином, а самым настоящим заговором.

За окном особняка хлопнула карета, и чей-то женский смех растворился в сыром петербургском тумане. Граф схватился за сердце. Кот Фёдор беззвучно мяукнул: «А я предупреждал». А Генри, главный сыщик кошачьего мира, почесал лапой за ухом и двинулся к выходу.

Дело только начиналось.

Глава 2.

Мышкин не спал вторые сутки. Генри — третьи, потому что кот принципиально считал, что сон — это упущенная улика. К утру пятницы в кабинете коллежского асессора на Офицерской улице пахло жжёным кофе, кошачьей шерстью и отчаянием. На столе громоздились пузырьки, банки с солёными огурцами (для ясности мысли) и подробнейшая карта гастрономических связей Санкт-Петербурга, которую Генри нацарапал когтями прямо на казённом глобусе.

— Итак, — Мышкин потёр переносицу, на которой от напряжения выступила испарина, — что мы имеем? Граф Воронцов-Вилкин потерял вкус. Уксус пахнет жасмином. Сельдь под шубой пляшет кадриль. Кот Фёдор онемел. И всё это после визита графини Хованской-Перепелкиной, вдовы, которая, как выяснилось...

Генри пододвинул лапой вырванную из «Санкт-Петербургских ведомостей» заметку. Мышкин прочёл вслух:

— «Траурный бал у графини Хованской-Перепелкиной прошёл с небывалым размахом. Гости отмечали, что шампанское имело привкус фиалки, а осетрина на вкус напоминала земляничное варенье. Вдова скорбит по мужу уже шестой год, но скорбь эта, судя по всему, весьма жизнерадостного свойства». — Он поднял глаза на кота. — Генри, это уже третье подобное происшествие за месяц. Ты понимаешь, что это значит?

Кот кивнул и мотнул головой в сторону шкафа, где под замком хранился пузырёк с «Эссенцией Седьмого Чувства». Мышкин достал его, повертел в руках. За ночь жидкость из мутно-жёлтой превратилась в прозрачную, как слеза, и от неё больше не пахло ни жасмином, ни луком — только лёгким, едва уловимым ароматом свежескошенной травы.

— Выветривается, — прошептал Мышкин. — Или... адаптируется. Господи, да это же живой яд!

В дверь постучали. На этот раз не дворник Никифор, а сам квартальный надзиратель Аристарх Платонович Бобров — человек с лицом, напоминающим подгоревший блин, и усами, которые он подкручивал с такой же страстью, с какой иные подкручивают судьбы империи.

— Иван Андреевич, — Бобров тяжело опустился на стул, который жалобно скрипнул, — у меня для вас новость. Или две. Или полторы. В общем, выбирайте. Первая: сегодня утром у штабс-капитана Рылеева пропал аппетит. Вторая: он же утверждает, что его борщ пахнет ландышами. Третья: он угрожает застрелить повара, если тот не вернёт нормальный вкус. Полторы: я вынужден вас просить заняться этим делом официально.

Мышкин помолчал. Затем медленно, стараясь не делать резких движений, выдвинул ящик стола и достал оттуда початую бутылку «Старки» — для храбрости, а не для удовольствия, потому что пить во время расследования было строжайше запрещено (Генри проследил, чтобы этот пункт внесли в служебный регламент 1823 года).

— Аристарх Платонович, — сказал Мышкин, — а не кажется ли вам, что всё это слишком... системно? Сначала граф, потом штабс-капитан. Кто следующий? Адмирал? Митрополит? Сам государь?

Бобров побледнел так, что его усы стали видны за три версты.

— Вы намекаете на заговор?

— Я не намекаю, — Мышкин понизил голос до шёпота, в котором слышалось шипение кошачьих лап по паркету. — Я утверждаю. Кто-то в Петербурге варит зелье, которое отключает вкус. И делает это с помощью... — он замялся, подбирая слово, — с помощью растений, которых нет в обычных аптеках. Я проверил. «Трава Забвения» и «Корень Противоречия» — такого нет ни в одном травнике. Ни у немцев, ни у французов, даже у англичан, которые едят овсянку добровольно, такого не водится.

Генри, сидевший до этого на подоконнике с видом сфинкса, вдруг насторожился. Уши встали торчком. Хвост замер на середине взмаха. Кот спрыгнул, подошёл к карте Петербурга и ткнул лапой в точку на Васильевском острове.

Мышкин наклонился. Там, где обычно обозначалась Академия наук, Генри когтем выцарапал три буквы: «О.К.С.».

— Остров? Корабли? Секта? — перебирал Мышкин.

Кот нетерпеливо дёрнул хвостом, затем подбежал к полке, стащил книгу Брема «Жизнь животных» и открыл её на странице про «опоссумов».

— Опоссумы? — удивился Бобров. — Вы думаете, их завезли из Америки?

— Не опоссумы, — прошептал Мышкин, и глаза его загорелись тем самым холодным огнём, который Генри знал как «сейчас начнётся самое интересное». — О.К.С. — это не опоссумы. Это «Общество Казусных Сенсаций». Я слышал о них полгода назад от одного купца из Кронштадта. Говорят, там собираются люди, которые ненавидят... еду.

Бобров поперхнулся табаком.

— Как можно ненавидеть еду? Это же всё равно что ненавидеть воздух!

— Можно, — тихо сказал Мышкин. — Если ты никогда не чувствовал её вкуса. Если твои рецепторы мертвы от рождения. Если каждый обед для тебя — пытка безвкусной массой. Тогда ты начинаешь завидовать. А потом — мстить.

В комнате повисла тишина, которую нарушал только стук дождя по подоконнику. Генри посмотрел на Мышкина с выражением, которое можно было перевести как «дошло наконец». Затем кот подошёл к пузырьку с «Эссенцией», аккуратно отодвинул его от края стола и сел рядом — охранять.

— Аристарх Платонович, — Мышкин встал, одёрнул сюртук и поправил жабо, которое съехало набок от бессонницы, — передайте штабс-капитану Рылееву, чтобы он не стрелял в повара. Повар тут ни при чём. И велите заложить мою бричку. Мы едем на Васильевский остров.

— А я? — растерянно спросил Бобров.

— А вы остаётесь здесь, — Мышкин кивнул на Генри. — За старшего будет кот. Если кто-то придёт с новыми потерями аппетита — записывайте. Если кто-то принесёт уксус, пахнущий сиренью — не нюхайте. И главное... — он на секунду замялся, — если я не вернусь к вечеру, отправьте депешу моей тётушке в Тверь. Пусть знает, что племянник погиб с честью. Нюхая.

Генри проводил его до порога. Когда Мышкин уже надевал шинель, кот тронул его лапой за голенище сапога. В зубах у Генри была маленькая, истёртая монета — не рубль, не копейка, а какая-то древняя, с непонятным профилем.

— Это что? — спросил Мышкин.

Кот положил монету ему в ладонь, затем обошёл вокруг него три раза — ритуал, который Генри использовал только в самых опасных случаях. Потом сел на пороге, спиной к улице, давая понять: «Я остаюсь здесь. Но если ты мне понадобишься — я приду. Даже на тот свет».

Мышкин сунул монету в жилетный карман, прямо напротив сердца. Уксус из пузырька на столе вдруг снова запах жасмином — нежным, настойчивым, почти мёртвым. А где-то на Васильевском острове, в доме без вывески, над колбой с прозрачной жидкостью склонилась фигура в чёрном.

— Девятнадцатый, — прошептала фигура. — Чей черёд?

И в ответ прозвучал голос — сухой, как осенний лист:

— Самого обер-полицмейстера. Говорят, он любит устриц с лимоном. Будет жаль, если они начнут пахнуть фиалками, правда?

В камине треснуло полено. Фигура в чёрном рассмеялась, и смех этот напоминал звон разбитой рюмки. За окном, на мокрой мостовой, промелькнула рыжая тень. Или показалось? Ведь Генри остался на Офицерской. Или всё-таки нет?

Глава 3.

Бричка коллежского асессора Мышкина была не столько средством передвижения, сколько передвижным архивом неудач. Она скрипела так, будто в ней отпевали всё сразу, колёса держались на честном слове и на двух гвоздях, которые Генри когда-то принёс с мясного ряда. Возница Семён, человек с лицом, напоминающим карту Отелло, спал на козлах с открытыми глазами — профессиональный навык, выработанный долгими часами ожидания, пока Мышкин нюхает улики.

— Семён! — крикнул Мышкин, выбегая из подъезда. — На Васильевский! И поживее!

Семён открыл один глаз, оценил обстановку, закрыл обратно.

— Ну, поживее, — повторил он без малейшего намёка на скорость. — Это как? Как лосось против течения или как чиновник на получку?

— Как кот, у которого спёрли сметану! — рявкнул Мышкин, запрыгивая в бричку. Генри, разумеется, уже сидел на своём обычном месте — под сиденьем, в специально вырезанной дыре для хвоста. Кот считал, что ездить сверху — удел легкомысленных созданий без инстинкта самосохранения.

Бричка тронулась. И сразу же остановилась. Потому что на Невском случился затор. Извозчики, кареты, телеги с дровами и одна очень подозрительная карета, из которой доносился запах... Мышкин втянул ноздрями воздух. Запах был знакомый. Жасмин. Но не цветочный, не тот, что из пузырька, а какой-то горький, аптечный, с примесью табака и… лекарств.

— Генри, — шёпотом сказал Мышкин, — ты чувствуешь?

Из-под сиденья донеслось сдержанное «фррр». Это означало: «Ещё бы. Я не Мышкин, чтобы такое пронюхать».

Карета была чёрная, траурная, без гербов, но с крошечной серебряной ручкой в виде змеи, кусающей себя за хвост. Мышкин запомнил эту деталь. Змея, кусающая хвост — символ вечности. Или бесконечного терпения. Или того, что владелец кареты любит эффектные аксессуары.

— Семён, — тихо сказал Мышкин, — не выпускай эту карету из виду. Но держись на три сажени. И не спи.

— А если очень захочется? — зевнул Семён.

— Тогда спи, но с открытым ртом. Чтобы я видел, что ты на посту.

Карета свернула к Академии художеств, потом нырнула в переулок, потом выскочила на набережную. Бричка едва поспевала, колёса стонали, Семён матерился шепотом — искусство, доступное только петербургским извозчикам. А потом случилось неизбежное.

Карета остановилась у причала. Из неё вышли двое. Один — высокий, худой, в чёрном сюртуке до пят, с лицом, похожим на скисший кисель. Второй — низенький, пухлый, с бакенбардами как у помещика из Гоголя, но глаза... Глаза у него были мёртвые. Совершенно пустые. Как у человека, который никогда в жизни не пробовал ни куска хлеба с маслом.

— Клиент номер два, — прошептал Мышкин. — Типичный казусник. Не чувствует вкуса от рождения. Смотри, Генри, как он идёт — как будто землю пробует на ногу. Ищет что-то.

Кот высунул морду из-под сиденья. Посмотрел. И вдруг замер. Весь — от усов до кончика хвоста — превратился в одну напряжённую пружину. Генри узнал кого-то.

Чёрная карета уехала. Двое сели в лодку и отчалили к одному из старых пакгаузов на стрелке Васильевского. Мышкин хотел последовать за ними, но у него не было лодки. А Семён, как назло, умел управлять только бричкой и самоваром.

— Плохо, — сказал Мышкин. — Упустили.

И тут Генри сделал нечто неслыханное. Он выпрыгнул из брички, промчался по набережной, спрыгнул на лёд (в сентябре?!) и побежал. По воде. Как по суше. Потому что Генри,

как выяснилось в эту самую секунду, умел ходить по воде. Или лёд в этом месте был настолько тонким, что кот бежал быстрее, чем успевал провалиться. Или это было чудо. Или просто наглость.

— Семён! — заорал Мышкин. — Ты это видел?!

— Ага, — равнодушно ответил Семён, — коты они такие. Я одного знал, он в прошлом году по воздуху летал. Правда, с пятого этажа. Но до первого долетел.

Мышкин не стал спорить. Он скинул шинель, сапоги и — в чём мать родила, то есть в сюртуке и кальсонах — сиганул в Неву. Потому что кот-детектив не мог работать без человека-понятого. Нева в сентябре была холодной, как взгляд квартального надзирателя на докладе. Мышкин заорал от холода, ухватился за бревно и поплыл. За пакгаузом горел свет.

Внутри пакгауза пахло так, будто тут смешали все аптеки Петербурга с помойкой французского ресторана. Сотни пузырьков. Тысячи склянок. Огромные чаны, в которых что-то булькало, вздыхало и издавало звуки, похожие на храп утомлённого дворника.

Генри сидел на бочке с надписью «Корень Противоречия — не нюхать!» и вылизывал лапу. Рядом, привязанный к ножке стола, лежал мопс. Маленький, печальный, с глазами как два мокрых пятака. На шее у мопса висела табличка: «Сторож. Кормить дважды в день. Вкуса не имеет».

— Показания! — рявкнул Мышкин, вылезая из воды и падая на мокрый пол. — Немедленно! Где главари? Зачем вы крадёте аппетит? И почему уксус пахнет жасмином?!

Мопс посмотрел на него с глубокой, вселенской тоской. И вдруг заговорил. Голосом старого профессора, надтреснутым, но отчётливым:

— Потому что жасмин маскирует горечь. Базовую горечь «Эссенции Седьмого Чувства». Мы не крадём аппетит, молодой человек. Мы даём людям то, чего они заслуживают. Равнодушие к пище. Освобождение от тирании вкуса. — Мопс вздохнул и добавил: — Меня, кстати, зовут Платон. Я был химиком. Пока не попробовал собственное зелье. Теперь я мопс. И это, знаете ли, унизительно.

Генри спрыгнул с бочки, подошёл к мопсу, обнюхал его с ног до головы. Затем повернулся к Мышкину и... сказал.

Да. Именно сказал. Голосом. Человеческим.

— Он не врёт. Но и не всё говорит.

Мышкин побледнел так, что стал белее мокрого сюртука.

— Генри?! Ты... ты говоришь?!

— Мяу, — сказал Генри. А потом добавил: — Всегда умел. Просто не видел повода. А теперь — вижу. — Кот посмотрел на мопса Платона. — За этим делом стоит не Общество Казусных Сенсаций. Оно — лишь ширма. Настоящий заказчик — тот, кто потерял вкус первым. И хочет, чтобы весь мир вкуса лишился.

В пакгаузе что-то громыхнуло. Раздался звон разбитой колбы, и по полу потекло густое облако фиолетового газа. Мышкин закашлялся. Генри чихнул. Мопс Платон сказал:

— Осторожно! Это «Антидот Противоречия». Если вдохнёте — начнёте чувствовать вкус всего. Абсолютно всего. Даже собственных мыслей. Поверьте, мысли у людей — отвратительные на вкус.

Газ клубился, поднимался всё выше. Где-то вдалеке завыла полицейская сирена — это Бобров, видимо, нарушил приказ и всё-таки поехал спасать Мышкина. Генри подскочил к пульту с рычагами и лапой дёрнул за самый большой.

Сработала вентиляция. Газ начал высасываться в Неву, где от него, вероятно, вся рыба на ближайшие три версты приобрела вкус французского багета.

— Спасибо, — прохрипел Мышкин. — Генри, ты... ты гений.

— Мур, — сказал Генри и, помедлив, добавил: — Я знаю.

А на пороге пакгауза, под зонтиком, стояла Она. Графиня Хованская-Перепелкина. Вдова. С улыбкой, от которой мопс Платон заскулил, а Генри впервые в жизни сделал шаг назад.

— Ах, коллежский асессор, — сказала графиня. — Вы так промокли. Не хотите ли чаю? У меня есть замечательный... с жасмином.

В руке у неё блеснул маленький стеклянный пузырёк.

Глава 4.

— Чаю, говорите? — Мышкин выпрямился, хотя мокрая одежда тянула к полу с силой утопленника. — Ваше сиятельство, позвольте заметить: в моём ведомстве чай с жасмином считается вещественным доказательством. А не напитком для дружеских бесед.

Графиня Хованская-Перепелкина не смутилась. Она закрыла зонтик, стряхнула капли на мопса Платона (тот покорно принял душ), и сделала шаг в пакгауз. Теперь Мышкин разглядел её в полный рост: дама лет тридцати пяти, с лицом, которое в одном ракурсе казалось ангельским, а в другом — дьявольски насмешливым. Платье чёрное, но не траурное, а скорее — «я пришла на похороны вашего рассудка, примите соболезнования». На шее — кулон в виде склянки, внутри которой что-то переливалось янтарным.

— Иван Андреевич, — графиня взяла со стола пустой стакан и покрутила его в пальцах, — вы так драматичны. Будто я предлагаю вам отравиться. Я предлагаю вам — понять.

Генри, который секунду назад пятился, вдруг остановился. Хвост его дёрнулся два раза влево, один вправо — код, который Мышкин расшифровал как «опасность, но интересно».

— Понять? — переспросил Мышкин, выжимая сюртук прямо на пол. — Что именно? Что вы лишаете людей вкуса ради… чего? Идеи? Мести? Или просто коллекционируете графов, как бабочек?

— О, — графиня рассмеялась. Звонко. Стеклянно. — Бабочек я коллекционировала в юности. Теперь я коллекционирую справедливость.

Мопс Платон, до этого молчавший, вдруг подал голос:

— Она не врёт. Она действительно верит, что вкус — это проклятие. Её муж, покойный генерал Хованский-Перепелкин, был дегустатором при дворе императора Павла. Он умер... странно. За обедом. Подали уху. Он попробовал, побледнел, сказал: «Это не уха, это фиалки» — и упал лицом в тарелку.

— Фиалки? — Мышкин резко повернулся к графине. — Так вот откуда жасмин. Вы повторяете рецепт. Только не убиваете, а… отключаете.

— Отключаю, — кивнула графиня без тени сожаления. — Мой муж не чувствовал вкуса тридцать лет. С детства. А стал дегустатором по протекции. Каждый его обед был пыткой — он не понимал, что ест, но должен был улыбаться и говорить: «Божественно». Император Павел любил кормить гостей и смотреть, как они мучаются. Вы знаете, что Павел однажды заставил генерала Хованского съесть тарелку горячих углей, приправленных сметаной? Генерал съел. И улыбался. Потому что не чувствовал разницы между углями и ростбифом.

Мышкин помолчал. Затем тихо спросил:

— А фиалки в ухе — это была месть?

— Это была справедливость, — холодно поправила графиня. — Повар, который подал ту уху, сейчас служит у меня. Он ничего не добавлял. Просто… уха сама стала пахнуть фиалками. Потому что я нашла способ. «Эссенция Седьмого Чувства» работает не только вперёд, но и назад. Можно отнять вкус. А можно — вернуть память вкуса. И тогда человек вспоминает каждую ложку, которую проглотил без удовольствия. Мой муж, перед смертью, почувствовал всё. Все тридцать лет безвкусного хлеба, безвкусного мяса, безвкусных углей. И умер от этого воспоминания.

В пакгаузе стало тихо. Даже чаны перестали булькать.

Генри подошёл к графине, сел напротив, поднял голову. Посмотрел ей в глаза долгим, изучающим взглядом. Затем медленно, очень медленно, кивнул. Один раз. Мышкин знал этот жест: «Она говорит правду. Но не всю».

— Вы кого-то ищете, — вдруг сказал Мышкин. — Не просто мстите. Вы ищете того, кто подал ту уху. Не повара. Заказчика.

Графиня побледнела. Впервые за весь вечер.

— Откуда вы…

— Уксус, — Мышкин подошёл к столу с пузырьками, выбрал один, понюхал. — Жасмин. Фиалки. У вас один запах для всех жертв. А настоящий преступник, тот, кто отравил вашего мужа, использовал другой запах. И вы хотите, чтобы он сам себя выдал. Вы разливаете «Эссенцию» по городу, ждёте, когда кто-то скажет: «Ах, это пахнет не как у Хованского, у того пахло иначе». И тогда — хватаете.

— Гениально, — прошептал мопс Платон. — Я работал на неё три года и не догадался.

— Потому что ты мопс, — любезно пояснил Генри. — И у тебя вместо мозга — косточка от котлеты.

Мышкин не обратил внимания на кошачью грубость. Он смотрел на графиню. На её кулон, в котором янтарная жидкость вдруг изменила цвет на кроваво-красный.

— Ваше сиятельство, — сказал он, — а не кажется ли вам, что тот, кого вы ищете, уже знает о вашей игре? И сейчас, пока мы тут разговариваем, он наносит ответный удар?

Графиня схватилась за кулон. Тот нагрелся — Мышкин увидел пар, идущий от стекла.

— Бал, — прошептала она. — Сегодня бал у князя Лобанова-Ростовского. Там будет весь город. И там подадут… уху.

Генри сплюнул (фигурально, потому что коты не плюются, но Мышкин понял жест). Кот рванул к выходу, обернулся и сказал человеческим голосом, чётко и страшно:

— Бричку к чёрту. Бежим. Я покажу короткий путь через крыши. Только, Мышкин, не смотри вниз. У тебя вестибулярный аппарат, как у воблы.

Мышкин, мокрый, замерзший, без сапог (он их снял перед заплывом в Неве), выбежал вслед за котом. На пороге обернулся:

— Графиня, вы арестованы. Пока — условно. Но если мы успеем спасти бал — я подумаю, смягчить ли обвинение.

— Бегите, Иван Андреевич, — крикнула графиня ему вслед. — А я… я приготовлю чай. Настоящий. Без жасмина. Вы заслужили.

Петербургские крыши в сумерках — это отдельный мир. Здесь пахло мхом, прошлогодними листьями, кошачьими тайнами и отчаянием трубочистов. Генри бежал впереди, перепрыгивая с карниза на карниз с грацией, которой позавидовала бы балерина. Мышкин — за ним, цепляясь за водосточные трубы, матерясь шепотом и моля всех святых, чтобы Генри не завёл его на колокольню Петропавловского собора.

— Стой! — Генри поднял хвост. — Видишь? Дворец князя. Окна открыты. Повара готовят. Я чую… — кот втянул носом воздух. — Укроп. Лавровый лист. И… жасмин. Проклятье. Они уже добавили эссенцию в бульон.

— Сколько у нас времени? — спросил Мышкин, свешиваясь с крыши и глядя на внизу снующих лакеев.

— Четырнадцать минут, — сказал Генри. — Потом уху подадут. И весь цвет петербургского общества потеряет вкус навсегда. А тот, кто это устроил, останется единственным, кто сможет наслаждаться едой. И тогда… — кот помолчал. — Тогда он станет самым богатым человеком в империи. Потому что люди будут платить любые деньги за то, чтобы просто почувствовать, что хлеб — это хлеб, а соль — это соль.

Мышкин побледнел. Он понял.

— Это не месть. Это бизнес.

— Всегда был бизнесом, — вздохнул Генри. — Дорогой Мышкин, добро пожаловать в настоящий заговор. Графиня — всего лишь пешка. А главный злодей… — кот посмотрел на освещённые окна дворца, — уже на балу. И он ждёт нас. Или, точнее, ждёт, что мы не придём.

— А мы придём? — спросил Мышкин, чувствуя, как под коленкой предательски скрипнула черепица.

— Мы уже пришли, — ответил Генри и прыгнул в окно.

Стекло разбилось. Посыпались осколки. И под звуки оркестра, игравшего полонез Огинского, мокрый коллежский асессор босиком ввалился в бальный зал князя Лобанова-Ростовского.

Дамы завизжали. Кавалеры схватились за эспантоны. А в центре зала, у огромного серебряного самовара, стоял человек в белоснежном мундире и улыбался.

— Ах, — сказал он голосом, от которого у Мышкина заледенела кровь. — Коллежский асессор Мышкин. Мы вас заждались. Не хотите ли ухи? Сегодня она особенно… памятливая.

На груди у человека сиял орден Святого Владимира. И крошечная серебряная булавка в виде змеи, кусающей себя за хвост.

Той самой. Что была на чёрной карете.

Глава 5.

Человек в белоснежном мундире улыбался так широко, будто только что съел канарейку и собирался съесть свидетелей. Мышкин, стоя босиком в луже воды посреди мраморного пола, чувствовал себя как муха в тарелке с супом — и все вокруг смотрели, как она барахтается.

— Ваше сиятельство? — выдохнул Мышкин, пытаясь изобразить поклон, но поскользнулся и вместо поклона исполнил пируэт, достойный оперной примы. — Простите, не узнал. Князь Лобанов-Ростовский, полагаю?

— Он самый, — князь щёлкнул пальцами, и два лакея мгновенно подскочили с подносами. На одном — хрустальный стакан с прозрачной жидкостью. На другом — живые устрицы, которые явно нервничали. — Вы, говорят, человек с нюхом. Вот и понюхайте. Только осторожно: у меня сегодня уха удалась. Пахнет... надеждой.

Генри, который влетел в окно следом за Мышкиным и приземлился на люстру, теперь свешивался с хрустальных подвесок и оценивал обстановку. Кот заметил то, чего Мышкин не видел: в углу зала, за колонной, стояла графиня Хованская-Перепелкина. В бальном платье. С веером. И с выражением лица, которое означало «я здесь не для того, чтобы танцевать».

— Мяу, — тихо сказал Генри. Это означало: «Мышкин, не пей. И не нюхай. И вообще дыши через раз».

Мышкин, к счастью, умел понимать кота даже без слов. Он взял стакан, понюхал... и едва не выронил. Уха пахла «детством». Буквально. Запах сена, парного молока, маминых пирожков с капустой, первой в жизни плюшки, которую ему дала бабушка в Твери. Мышкин почувствовал, как к горлу подступил комок.

— Что это? — прошептал он. — Это не жасмин. Это...

— Это память, — князь Лобанов-Ростовский подошёл ближе. Теперь его улыбка стала мягче, почти отеческой. — Я не краду вкус, господин асессор. Я возвращаю людям то, что они потеряли. Каждый глоток моей ухи — это билет в прошлое. В то утро, когда вы впервые попробовали мёд. В тот вечер, когда ели землянику с деревенской сметаной. В тот день, когда были счастливы.

— Звучит как реклама, — хмуро заметил Мышкин. — А в чём подвох?

— Подвох? — князь обиженно приподнял бровь. — Никакого подвоха. Просто после того, как вы попробуете мою уху... обычная еда перестанет вас радовать. Вы станете зависимы. Как опийный курильщик, только вместо опия — воспоминания о вкусе. И тогда вы будете приходить ко мне снова и снова. А я буду брать плату. Сначала рублями. Потом — услугами. Потом — секретами. Потом — душами. Не всё сразу, разумеется.

Генри спрыгнул с люстры на плечо Мышкину (когти впились в сюртук с такой силой, что асессор взвыл) и прошептал на ухо человеческим голосом, тихо, чтобы слышал только Мышкин:

— Он не врёт. Но и не договаривает. Главный ингредиент его ухи — не травы. Не коренья. Главный ингредиент — чужое горе. Он находит людей, которые потеряли близких, и вытягивает их воспоминания о вкусе. Буквально. С помощью одного очень старого, очень запретного рецепта.

— Откуда ты знаешь? — еле слышно спросил Мышкин, делая вид, что поправляет жабо.

— Мопс рассказал, — ответил Генри. — Пока ты прыгал в Неву, я успел с ним поболтать. Платон, оказывается, не просто мопс. Он бывший профессор Петербургской медико-хирургической академии. И он знает, как работает «Эссенция Седьмого Чувства». Это не яд. Это... **экстрактор**. Он высасывает вкус из памяти и переносит в еду. Графиня хотела найти убийцу мужа. Князь же хочет...

— Стать единственным поставщиком вкуса в империи, — закончил Мышкин. — Господи, да это же монополия на счастье.

— Именно, — князь Лобанов-Ростовский вдруг оказался прямо перед ними. Он услышал? Или догадался? — И вы, коллежский асессор, мне не помешаете. Потому что сегодня на балу присутствуют все, кто имеет власть в Петербурге. Через час они попробуют мою уху. А завтра они приползут ко мне на коленях. Вы представляете, что можно сделать с человеком, который согласен на всё ради одного глотка супа, пахнущего маминой любовью?

— Представляю, — сказал Мышкин. — Но вы забыли одну маленькую деталь.

— Какую же?

— Я ещё не пробовал вашу уху.

Мышкин схватил стакан и, прежде чем Генри успел его остановить, залпом выпил.

Мир взорвался цветом. Запахом. Вкусом.

Мышкин почувствовал всё. Вареники с вишней, которые варила его мать по воскресеньям. Солёные огурцы из бочки, которые таскал тайком от тётушки. Холодец, который дрожал на новогоднем столе. Пирог с ливером, от которого пахло детством и страхом (потому что ливер — это вам не шутки). Клюквенный морс, которым его поили, когда болел корью. И ещё что-то... что-то такое, чего он никогда не пробовал.

— Что это? — спросил Мышкин, чувствуя, как по щеке течёт слеза. — Последний вкус... он не мой.

— Умный мальчик, — князь одобрительно кивнул. — Это вкус человека, который умер от голода в прошлом году. Я извлёк его из его дневника. Представляете? Он описывал, что хотел бы съесть перед смертью. Ржаной хлеб с маслом. Кусок сала. Ломоть чёрствого хлеба, вымоченный в молоке. Я приготовил это. Извлёк воспоминание. И добавил в уху. Теперь вы знаете, каково это — быть голодным и мечтать о хлебе.

Мышкина затошнило. Не от ухи — от осознания.

— Вы чудовище, — сказал он.

— Я бизнесмен, — поправил князь. — Чудовищами пугают детей. Бизнесменам платят.

В этот момент в зале раздался крик. Один из гостей, пожилой генерал с аксельбантами, схватился за сердце и рухнул на пол. К нему бросились лакеи. Потом закричала дама в изумрудах. Потом — ещё один гость.

— У них пропал вкус, — догадался Мышкин. — Вы уже добавили эссенцию в шампанское?

— Зачем ждать? — улыбнулся князь. — Все, кто пил шампанское за моё здоровье, уже ничего не чувствуют. А те, кто пил уху... они теперь мои навечно.

Генри спрыгнул с плеча Мышкина, приземлился на стол с закусками, опрокинул графин с квасом (квас, кстати, оказался настоящим, без примесей — князь не стал портить хороший напиток) и громко, на весь зал, сказал:

— Дамы и господа! У меня есть контр эссенция. Если вы выпьете её сейчас — вкус вернётся. Но я отдам её только при одном условии.

Зал замер. Даже оркестр перестал играть. Мышкин вытаращил глаза: Генри держал в зубах пузырёк с мутной жидкостью. Тот самый пузырёк, который Мышкин оставил в кабинете под замком.

— Откуда? — прошептал асессор.

— Я кот, — ответил Генри. — У меня есть запасные ключи. И вообще, я параноик. Это называется «профессиональная деформация».

— Какое условие? — спросил князь. Голос его потерял бархатистость. Теперь в нём слышался металл.

— Условие простое, — Генри поставил пузырёк на стол и сел рядом, обмотав хвостом лапы. — Вы, князь, немедленно прекращаете свои эксперименты. Сдаёте все рецепты. И доб-

ровольно уезжаете в своё имение в Костромской губернии, где будете до конца своих дней выращивать репу. Без права на въезд в обе столицы. А иначе... — кот подвинул пузырёк к краю стола, — я разобью эту штуку об пол. И все, кто потерял вкус, останутся без него навсегда. А те, кто пил уху... получат дополнительную порцию чужих воспоминаний. И представьте себе, каково это — одновременно чувствовать вкус двадцати разных смертей от голода?

Князь побледнел.

— Вы не посмеете.

— Я кот, — напомнил Генри. — Мы не посмеем только одно — есть невкусную рыбу. Всё остальное — пожалуйста.

В зале повисла тишина. Мышкин, не веря своим ушам, смотрел на кота. Генри вёл переговоры на равных с князем, который только что чуть не поработил пол-Петербурга через еду.

— Хорошо, — сказал князь после долгой паузы. — Я согласен. Но... — он усмехнулся, — у меня есть встречное предложение.

— Какое?

— Вы становитесь моим партнёром.

Генри замер. Мышкин открыл рот.

— Что? — переспросил кот. — Ты предлагаешь котику долю в бизнесе по краже воспоминаний?

— Я предлагаю легальный бизнес, — князь выпрямился. — Ресторан. Где каждый гость сможет заказать блюдо, которое пахнет его прошлым. Без кражи. Без вреда. С полного согласия. Я умею извлекать воспоминания из тех, кто согласен ими делиться. Вдова, которая хочет в последний раз почувствовать вкус мужниного борща. Солдат, который мечтает о маминых блинах. Старик, который забыл вкус земляники, но помнит его в душе. Я могу это сделать. Легально. Честно. Дорого.

Мышкин посмотрел на Генри. Генри посмотрел на Мышкина.

— Он предлагает сделку с совестью, — сказал кот.

— Он предлагает бизнес, — возразил Мышкин. — Но совесть... совесть мы проверим. У меня есть условие.

— Какое? — спросил князь.

— Я буду вашим дегустатором. Каждое блюдо, прежде чем подать клиенту, будет пробовать... — Мышкин запнулся. — Генри.

— Почему я? — возмутился кот.

— Потому что ты единственный, кто не поддаётся на манипуляции вкусом. Ты кот. Твои рецепторы — каменные. Если Генри скажет, что в супе нет ничего подозрительного — значит, так и есть.

Князь задумался. Затем протянул руку.

— По лапам?

Генри нехотя поднял правую переднюю лапу. Князь пожал её с серьёзным видом.

— Договорились, — сказал князь. — А теперь, коллежский асессор... разрешите пригласить вас на ужин. Без жасмина. Без фиалок. С простым, честным борщом. И с котом в качестве почётного гостя.

Мышкин вздохнул. Генри фыркнул. А в углу зала графиня Хованская-Перепелкина закрыла веер, улыбнулась и тихо вышла вон. Её дело было закончено. Теперь начиналось нечто новое.

И где-то на кухне княжеского дворца, в кастрюле с ухой, плавал последний лист лаврового листа, который так и не пригодился.

— Генри, — сказал Мышкин, когда они выходили из зала, — а где ты взял пузырёк с контр эссенцией?

Кот посмотрел на него с выражением глубочайшей тайны.

— Это был уксус, — признался он. — Обычный столовый уксус. Я блефовал.

Мышкин замер.

— То есть... если бы князь не согласился, ты разбил бы на полу обычный уксус?

— Ага. — Кот потянулся. — И всем бы запахло жасмином. И они бы подумали, что это действует. Главное в сыске, Мышкин, не улики. Главное — уверенность. Я был уверен. И он поверил.

Мышкин хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Вместо этого он погладил кота по голове. Тот замурлыкал.

— Генри, — сказал асессор наконец. — Ты гений.

— Я знаю, — ответил кот. — Идём. Тётушка из Твери прислала посылку. Говорят, там пирожки с ливером. Настоящие. Без воспоминаний.

Они вышли в ночной Петербург. Нева мерцала. Фонари горели. А где-то вдалеке, на костромской дороге, уже гремела карета князя Лобанова-Ростовского. Он держал слово. Пока — держал.

Но это уже совсем другая история.

Глава 6.

После бала у князя Лобанова-Ростовского прошло ровно три недели. Три недели относительного спокойствия, которое Мышкин привык считать затишьем перед бурей. За это время граф Воронцов-Вилкин съел четырёх баранов и вернул себе репутацию главного обжоры Петербурга. Кот Фёдор обрёл голос и теперь мяукал так громко, что соседи жаловались квартальному. А графиня Хованская-Перепелкина уехала в Париж — лечить нервы и, по слухам, открывать там ресторан «У вдовы», где все блюда пахнут разочарованием.

Мышкин же сидел в своём кабинете на Офицерской улице, пил цикорий (кофе кончился, а денег на новый не дали) и листал «Северную пчелу» в поисках хоть какого-нибудь преступления. Генри лежал на столе, положив голову на протоколы допросов, и делал вид, что спит. На самом деле кот размышлял о вечном: о смысле жизни, о несправедливости мира и о том, почему в казённой столовой никогда не дают сметану.

— Генри, — сказал Мышкин, откладывая газету, — тут пишут, что в Летнем саду пропал памятник Крылову. Прямо целиком. С постамента. Ночью. Никто не видел, никто не слышал. Только утром дворник Василий обнаружил на месте памятника... записку.

— Какую? — лениво спросил кот, не открывая глаз.

— «Басни Крылова будут наказаны. Подпись: Обиженная Стрекоза».

Генри открыл один глаз. Потом второй. Потом сел.

— Стрекоза? Та самая, которая «попрыгунья»? Из басни про муравья?

— Она самая, — Мышкин почесал затылок. — Или кто-то, кто себя так называет. Дело передали нам, потому что... — он замялся, — потому что в участке сказали: «Это выше нашего понимания. Пусть Мышкин разбирается. У него кот, говорящий».

— Я не просто говорящий, — обиженно заметил Генри. — Я в совершенстве владею французским, немецким и кошачьим. А также умею открывать любые замки языком. Но это не для отчёта.

В дверь постучали. На пороге стоял не дворник Никифор, а маленький сухонький старичок в очках, с портфелем, из которого торчали какие-то бумаги. Старичок нервно перебирал пальцами, будто играл на невидимой скрипке.

— Господин Мышкин? — пискнул он. — Я — Карл Карлович Фон-Дер-Бамбас, хранитель Летнего сада. У нас беда. После памятника пропал... ещё кое-кто.

— Кто именно? — насторожился Мышкин.

— Ворон, — выдохнул старичок. — Учёный ворон. Который жил в саду тридцать лет и умел говорить. Не как попугай — повторять, а именно говорить. Осмысленно. Он знал все басни Крылова наизусть и даже цитировал их к месту. А позавчера... исчез. Вместе с памятником. Осталось только перо.

Старичок вытащил из портфеля чёрное перо, положил на стол. Генри наклонился, понюхал и вдруг чихнул три раза подряд.

— Это не просто ворон, — сказал кот человеческим голосом. — Это свидетель. Или сообщник. Перо пахнет... типографской краской и валерианой.

— Валерианой? — удивился Мышкин. — При чём здесь кошки?

Генри посмотрел на него с выражением глубочайшего оскорбления.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что. Просто спросил.

— Валериана используется в полиграфии для особых сортов туши, — сухо объяснил Генри. — А также ветеринарами для успокоения буйных животных. А ещё — некоторыми преступниками для привлечения внимания кошачьих. Если перо пахнет валерианой — значит,

ворон контактировал с человеком, который работает с красками. Или с котом. Или с тем и другим одновременно.

Мышкин задумался. Затем взял со стола перо, повертел в руках и вдруг заметил на самом кончике крошечную царапину, почти невидимую глазу.

— Генри, посмотри. Это не перо ворона. Это... перо грача. Грачи меньше. И живут не в Летнем саду, а в парках за городом. Кто-то хочет, чтобы мы думали, будто пропал именно ворон.

— Подмена улики, — кивнул Генри. — Классика. Только неумелая. Значит, преступник либо глуп, либо очень спешил. Или и то, и другое.

Старичок Карл Карлович вдруг побледнел ещё сильнее и схватился за сердце.

— Ой, — сказал он. — Я вспомнил. В ночь пропажи памятника я видел... тень. Большую тень. С крыльями. Она пролетела над фонтаном и скрылась за деревьями. А потом раздался голос. Громкий, скрипучий голос, который сказал: «Стрекоза не простит. Муравей заплатит».

— Муравей? — переспросил Мышкин. — Стрекоза? Это уже не кража памятника. Это... театр одного преступника. Генри, ты понял?

— Понял, — кот спрыгнул со стола и направился к двери. — Кто-то разыгрывает басни Крылова в реальности. Сначала украл Стрекозу? Нет, памятник Крылову. Потом — ворона. Завтра, возможно, исчезнет Волк, который задрал Ягнёнка. Или Мартышка с очками.

— Или Слон и Моська, — добавил Мышкин. — Надо срочно проверить все памятники животным в городе.

— Успеем, — сказал Генри. — Но сначала — завтрак. Я не могу ловить преступников на голодный желудок. Это противоречит Женевской конвенции.

— Ты её не подписывал, — заметил Мышкин.

— Я кот. Я выше конвенций.

Они вышли на улицу. Сентябрьский ветер гнал по мостовой жёлтые листья, похожие на конфискованные червонцы. Мышкин натянул шинель, Генри — своё обычное выражение высокомерного превосходства. Они направились в Летний сад, но не дошли и до угла, как их нагнал запыхавшийся дворник Никифор.

— Ваше благородие! — заорал он ещё издалека. — Там такое! У Сенной! Памятник... то есть не памятник, а свинья!

— Какая свинья? — не понял Мышкин.

— Свинья под дубом! — выпалил Никифор. — Живая! Стоит под дубом, жёлуди жрёт и говорит человеческим голосом: «Я наелась и довольна, а вы, господа, — нет». И требует, чтобы ей дали титул!

Мышкин и Генри переглянулись.

— Генри, — сказал асессор, — это уже не заговор. Это... эпидемия олицетворения.

— Или провокация, — ответил кот, сверкнув глазами. — Идём. Но учти: если свинья окажется говорящей — я ухожу из сыска. Надоело. Пусть ловят преступников сами.

— А куда пойдёшь?

— В театр. Там хотя бы понятно, кто кого играет.

Они свернули на Сенную, где уже собралась толпа. В центре, под старым раскидистым дубом, действительно стояла свинья. Обыкновенная розовая свинья в грязевых ваннах, с умными глазами и повязанным на шее бантом. Она жевала жёлуди и поглядывала на зевак с таким видом, будто те были недостойны её внимания.

— Господа, — сказала свинья вдруг голосом старой актрисы, — я требую уважения. Я — Свинья под дубом. Я — героиня басни. Я — жертва клеветы. И я требую, чтобы памятник Крылову вернули на место. Не потому, что я его люблю. А потому, что без него я теряю смысл существования.

Толпа ахнула. Мышкин протолкался вперёд.

— Извините, — сказал он, снимая шляпу. — Вы говорите? Свиньи не говорят.

— А коты говорят? — парировала свинья, кивнув на Генри. — Я видела вашего кота. Он излагает мысли членораздельно. Я, может быть, тоже учёная. Меня профессор из Медико-хирургической академии оперировал. С тех пор я говорю. И вообще, не отвлекайте меня. Я думаю, как вернуть памятник.

Генри подошёл к свинье, обнюхал её с ног до головы, затем повернулся к Мышкину и прошептал:

— Это не свинья. Это переодетый человек в очень хорошем свином костюме. Запах пота, табака и типографской краски. Тот же, что и на пере грача.

— Значит, — Мышкин понизил голос, — преступник среди нас.

— Среди нас, — подтвердил Генри. — И он не один. Смотри.

Кот указал хвостом на край толпы, где стоял высокий мужчина в чёрном плаще с поднятым воротником. Мужчина держал в руках клетку, а в клетке сидел... ворон. Настоящий. Который смотрел на «свинью» с выражением глубокой обиды.

— Это он, — сказал Генри. — Похититель памятника и ворона. И сейчас он наблюдает за своей же провокацией.

Мышкин хотел броситься к мужчине, но толпа вдруг заволновалась. Свинья под дубом громко хрюкнула и заявила:

— Я знаю, кто украл памятник! Это — ворон! Тот самый, который живёт в Летнем саду! Он завидовал Крылову, потому что басни писал человек, а птицы остались без славы!

— Ложь! — раздалось из клетки. Ворон каркнул и добавил человеческим голосом, с явным одесским акцентом: — Я — ворон, а не грач. И памятник не крал. Меня самого похитили! Этот человек в плаще — он меня украл, чтобы сделать козлом отпущения! То есть вороном отпущения!

Мужчина в плаще резко развернулся и побежал. Толпа расступилась. Мышкин — за ним. Генри — впереди всех, перепрыгивая через шляпы и корзины с яблоками.

— Стой! — кричал Мышкин. — Именем закона!

— Именем кота! — добавил Генри.

Беглец свернул в переулок, потом в другой, потом выскочил к Неве. Там его уже ждала лодка. И в лодке — фигура в широкополой шляпе.

— Бросай! — крикнула фигура беглецу. — Прыгай!

Мужчина швырнул клетку с вороном в сторону Мышкина, сам сиганул в лодку. Лодка отчалила. Мышкин поймал клетку, упал, разбил коленку, но клетку удержал.

— Ушли, — прохрипел он. — Генри, они ушли.

Кот стоял на парапете, глядя вслед удаляющейся лодке.

— Не ушли, — сказал он. — Они оставили улику. Смотри.

На дне клетки, среди вороньих перьев, лежала маленькая серебряная пластинка. На ней было выгравировано: «Общество Восстановления Попранной Справедливости Героев Басен. Штаб-квартира — Там, где муравьи не спят».

— Генри, — сказал Мышкин, отряхивая шинель, — что это значит?

— Это значит, — кот спрыгнул с парапета, — что мы имеем дело не с сумасшедшим. И не с артистом. Мы имеем дело с организацией. Которая считает, что герои басен Крылова были несправедливо обижены. И теперь они хотят... чего? Восстановить справедливость? Вернуть славу Стрекозе, Муравью, Ворону, Свинье?

— И украсть памятник Крылову?

— А почему нет? — пожал плечами Генри. — Крылов их придумал. Крылов их высмеял. Крылов — их главный враг. Памятник Крылову — символ угнетения басенных героев. И они его похитили. А теперь похищают живых животных, чтобы те говорили от их имени.

Ворон в клетке вдруг каркнул и сказал:

— Молодой человек, вы не могли бы меня выпустить? Я, знаете ли, птица свободная. И я могу помочь. Я знаю, где штаб-квартира. Потому что меня туда возили. Там... под землёй. Под Летним садом. Есть старые тоннели. Ещё со времён Петра. Там они и прячут памятник.

Мышкин и Генри переглянулись.

— Генри, — сказал асессор, — ты готов к подземелью?

— Я кот, — ответил Генри. — Я рождён для подземелий. Главное, чтобы там не было мышей.

— А если будут?

— Тогда я скажу, что они — свидетели. И возьму показания.

Мышкин открыл клетку. Ворон вылетел, покружил над ними и сел на плечо асессору.

— Меня зовут Аркадий, — представился ворон. — К вашим услугам. Я знаю все ходы и выходы. И ещё я умею считать до десяти и отличать квартального надзирателя от городового по походке. Погнали?

И они пошли. В Летний сад. К тайному входу под старым дубом. Там, где муравьи не спят — потому что их там никогда и не было.

А свинья под дубом, оставшись без зрителей, сняла свой костюм. Под ним оказался маленький лысый человечек в пенсне. Он вздохнул, достал записную книжку и написал: «День тридцать четвёртый. План "Басни" провалился. Переходим к плану "Эзоп". Срочно нужен новый памятник».

Потом человечек закурил папиросу, стряхнул пепел на газету с портретом Крылова и растворился в петербургском тумане.

Глава 7.

Летний сад в полночь был похож на декорацию к опере «Руслан и Людмила» — если бы эту оперу ставили сумасшедшие итальянцы с безденежьем. Фонари не горели, луна пряталась за тучами, и только редкие звёзды подмигивали сверху, будто говорили: «Мы бы помогли, но нам лень». Мышкин, Генри и ворон Аркадий стояли у старого дуба — того самого, под которым днём выступала лже-свинья.

— Итак, — прошептал Мышкин, оглядываясь по сторонам, — где вход?

Ворон Аркадий важно переступил с лапы на лапу.

— Под корнями. Третий корень от ствола. Если нажать на него в определённом месте — откроется люк. Я видел, как они это делали. Правда, тогда я был в клетке и не мог запомнить последовательность.

— Отлично, — вздохнул Мышкин. — У нас есть люк без кода. Генри, твоя очередь.

Кот подошёл к дубу, обнюхал корни, поскрёб кору когтями и вдруг сказал:

— Здесь пахнет... мёдом и порохом. И ещё чем-то странным. Как будто кто-то жарил блины в пороховом погребе.

— Это запах восемнадцатого века, — неожиданно подал голос дуб. Глухим, скрипучим голосом, от которого у Мышкина волосы встали дыбом. — Я старый дуб. Я помню Петра. Он сажал меня собственноручно. И приказывал поливать меня водой из Невы. Правда, я тогда был жёлудем. Но память у меня отличная.

Мышкин медленно повернулся к дереву. Дуб не шевелился. Но говорил — отчётливо, с лёгким немецким акцентом.

— Вы... вы говорите? — выдавил асессор.

— Все деревья говорят, молодой человек, — обиженно ответил дуб. — Просто не все хотят с вами разговаривать. Вы, люди, слишком шумные и пахнете неприятно. А я — дуб пенсионного возраста. Мне терять нечего. Ищите люк на седьмом корне. А не на третьем. Ворон перепутал. У него птичий мозг.

— Я не перепутал! — возмутился Аркадий. — Меня занесли в клетке задом наперёд!

— Молчать! — рявкнул Генри и решительно наступил на седьмой корень.

Земля под ногами дрогнула. Раздался щелчок, похожий на выстрел из пистолета, и прямо перед Мышкиным открылась чёрная дыра. Оттуда пахло сыростью, плесенью и типографской краской. Той самой.

— Вниз, — скомандовал Генри и прыгнул в темноту.

Мышкин перекрестился (хотя был атеистом) и полез следом. Ворон Аркадий уселся ему на шляпу, придерживаясь клювом за поля.

Лестница оказалась длинной, крутой и очень скользкой. Мышкин насчитал сто три ступеньки, потом сбился, потом перестал считать и просто молился, чтобы Генри внизу поймал его своей кошачьей грацией. Кот, разумеется, приземлился на все четыре лапы и уже осматривал подземелье.

Это был не просто тоннель. Это был настоящий подземный город. С арками, колоннами, старинными фонарями, в которых ещё теплился огонь (на керосине или на чём-то более древнем — непонятно). Вдоль стен стояли статуи: львы, грифоны, единороги и одна очень грустная цапля.

— Где мы? — спросил Мышкин, вытирая с лица паутину.

— Под Летним садом, — ответил Генри. — Только глубже, чем предполагали. Гораздо глубже. Смотри.

Кот указал на табличку, прибитую к колонне. На ней было выбито по-русски и по-голландски: «Подземная резиденция Петра Алексеевича. Посторонним вход воспрещён. Нарушителей будут кормить кашей три раза в день».

— Кашей? — удивился Мышкин. — Это жестокое наказание?

— Восемнадцатый век, — пояснил ворон. — Тогда каша была хуже пытки. Особенно перловая.

Они двинулись по тоннелю. Своды становились всё выше, стены — всё шире. Вскоре они вышли в огромный зал, освещённый сотнями свечей. В центре зала стоял... памятник Крылову. Целехонький, невредимый, с добродушной улыбкой на бронзовом лице. Вокруг памятника сидели животные. Настоящие. Заяц, белка, ёж, лиса, и даже волк — правда, волк был привязан к батарее, потому что, видимо, не разделял всеобщего энтузиазма.

А на постаменте памятника, скрестив лапки, сидел второй кот. Чёрный, с белым пятном на груди в виде бабочки. Он смотрел на Генри с выражением профессионального интереса.

— А, коллега, — сказал чёрный кот голосом, похожим на потрескивание граммофона. — Давненько не виделись. С тех пор как мы вместе не ловили мышь в Зимнем дворце. Ты, как я погляжу, всё ещё работаешь на людей?

Генри прищурился.

— Кто ты? — спросил он.

— Не узнаёшь? Я — Базилио. Бывший кот самого Крылова. Да-да, тот самый, которого Иван Андреевич увековечил в басне «Кот и Повар». Только он меня выставил не в лучшем свете. Сказал, что я ел пирог, который сторожил. А я не ел! Я его... нюхал! И вообще, Крылов был тиран! Он заставлял меня слушать его басни по десять раз на дню!

— И поэтому ты украл памятник? — удивился Мышкин.

— Не только я, — Базилио спрыгнул с постамента. — Мы — Общество Восстановления Попранной Справедливости Героев Басен. Вас, кажется, ворон предупредил? Мы требуем, чтобы Крылов публично извинился перед всеми животными, которых он высмеял. А поскольку Крылов мёртв, мы требуем, чтобы его памятник принёс извинения.

— Памятник не умеет извиняться, — заметил Генри.

— Научим, — зловеще пообещал Базилио. — У нас есть специалист по бронзе. Вон там, в углу.

Мышкин посмотрел в угол. Там, в кресле-качалке, сидел скелет. Настоящий человеческий скелет, в напудренном парике и камзоле с жабо. Скелет держал в руках книгу «Басни Крылова» и водил по страницам костяным пальцем.

— Это профессор Бронзенштейн, — представил Базилио. — Он был скульптором. Умер в прошлом веке. Но мы его оживили. Ненадолго. С помощью особой настойки. Теперь он умеет заставлять памятники говорить. Правда, только по вторникам.

Скелет поднял голову, посмотрел на Мышкина пустыми глазницами и скрипуче сказал:

— Извините, молодой человек, вы не могли бы подать мне мой вставной зуб? Он упал под стол. Я без него плохо жую.

— Ты не можешь жевать, — возразил Мышкин. — У тебя нет желудка.

— Это предрассудки, — обиженно ответил скелет. — Желудок не нужен для процесса жевания. Нужны зубы. А они упали.

Генри подошёл к скелету, обнюхал его, чихнул и сказал:

— Это не скелет. Это муляж. Из гипса и куриных костей. Оживление — фальшивка. Тут пахнет столярным клеем и актёрским гримом. Базилио, ты нас разыгрываешь.

Чёрный кот усмехнулся. Затем медленно, с достоинством, снял с себя шкуру. Под ней оказался... маленький лысый человечек в пенсне. Тот самый, который раньше был свиньёй.

— Улики, — сказал человечек, поправляя очки. — Вы работаете с уликами, господин Мышкин. Это похвально. Но улики бывают ложными. Как и моя свинья. Как и этот скелет. Как и сам памятник. Смотрите!

Он хлопнул в ладоши. Памятник Крылову зашатался, съехал с постамента и превратился в груду картонных коробок, обклеенных бронзовой бумагой.

— Это был муляж, — сказал человечек. — Настоящий памятник мы спрятали в другом месте. И вы его никогда не найдёте.

— Найдём, — спокойно ответил Генри. — Потому что я уже понял, кто вы такой. Вы — профессор Безвкусный. Тот самый, который изобрёл «Эссенцию Седьмого Чувства». Князь Лобанов-Ростовский говорил о вас. Вы были его учителем. Но потом вы поссорились. Он хотел продавать воспоминания. Вы хотели продавать... что? Бессмертие?

Профессор Безвкусный побледнел. Потом побагровел. Потом снова побледнел — видимо, репетировал эмоции.

— Откуда вы знаете? — прошептал он.

— Валериана, — ответил Генри. — Типографская краска. И любовь к театральным эффектам. Вы — химик. И вы ищете способ превратить животных в людей. Не буквально — символически. Вы хотите, чтобы герои басен ожили. Чтобы они потребовали справедливости. Чтобы они... — кот помолчал, — чтобы они заменили собой людей. Потому что животные, по-вашему, лучше. У них нет вкуса. Нет памяти. Нет совести. Они идеальные потребители вашей эссенции.

Профессор Безвкусный рассмеялся. Зло. Надтреснуто.

— Гениально! — воскликнул он. — Просто гениально! Вы, кот, умнее всех сыщиков Петербурга вместе взятых. Да, я хочу создать новый мир. Мир, где не будет обид, зависти, предательства. Потому что не будет вкуса. Не будет памяти о том, что вкусно, а что — нет. Люди станут животными. Животные — людьми. И все будут счастливы.

— Или несчастны одинаково, — возразил Мышкин. — Это не счастье. Это — серая масса.

— А что такое счастье? — парировал профессор. — Способность отличить уху от фиалок? Или способность не знать разницы? Я выбираю второе.

В этот момент в зале погасли свечи. Затряслись стены. Где-то глубоко под землёй раздался голос — мощный, раскатистый, как гром:

— А я выбираю первое!

Из стены вышли... Пётр Великий. Настоящий. Или очень хорошая голограмма. В ботфортах, с тростью, с усами и с выражением лица «я прорубил окно в Европу, а вы тут ерундой страдаете».

— Профессор Безвкусный, — сказал Пётр, — вы арестованы за порчу государственного имущества. Памятник Крылову — это культурное наследие. Я его утверждал лично. В 1838 году. Да, я уже был мёртв, но это не помешало мне проголосовать за.

— Вы — призрак? — спросил Мышкин.

— Я — Пётр Алексеевич, — гордо ответил царь. — Могу быть призраком. Могу быть человеком. Могу быть статуей, если нужно. Сейчас я — эксперт. И я требую, чтобы памятник вернули на место. Живо.

Профессор Безвкусный попятился, наступил на хвост чёрному коту Базилио (который, кстати, оказался просто нарисованным на картонке), упал в люк и исчез.

— Ушёл, — констатировал Пётр. — Но ничего. У меня есть его портрет. Я его нарисую и разошлю по всем волостям. А вы, коллежский асессор, найдите настоящий памятник. Он в Зимнем дворце. В подвале. Рядом с моей ботфортой. Я её там в 1725 году забыл.

И Пётр Великий растаял в воздухе, оставив после себя запах табака, смолы и лёгкое чувство неловкости.

— Генри, — сказал Мышкин, — мне это всё снится?

— Нет, — ответил кот. — Но лучше бы снилось. Идём в Зимний дворец. И побыстрее. Пока профессор не переплавил памятник на ложки.

Они выбрались из подземелья через запасной выход — прямо к Фонтанке. Ворон Аркадий каркнул прощально и улетел кормить птенцов. Генри потянулся. Мышкин закурил (хотя не курил). А над ними, в сыром петербургском небе, загоралась заря.

— Генри, — сказал Мышкин, — ты веришь в привидения?

— Я верю в сметану, — ответил кот. — Всё остальное — домыслы. Идём, Мышкин. Завтра нас ждёт памятник. И, возможно, вторая встреча с Петром. Надеюсь, он предложит нам хотя бы чаю. Я промок.

— Ты кот, — напомнил Мышкин. — У тебя шерсть.

— Шерсть не греет, когда душа мёрзнет, — философски заметил Генри и первым зашагал по набережной.

А где-то в подземелье, в темноте, профессор Безвкусный пересчитывал свои пузырьки.

— Ничего, — шептал он. — У меня есть план «Эзоп». И план «Лафонтен». И план «Крылов-2: Месть скульптора». Они ещё пожалеют. Все пожалеют.

Из темноты донеслось тихое:

— Мяу.

Профессор вздрогнул. Потому что это мяукал не кот. Это мяукала крыса. Говорящая. И у неё был очень знакомый голос.

— Здравствуйте, папа, — сказала крыса. — Я вернулась.

Глава 8.

— Папа? — переспросил Мышкин, когда они с Генри уже почти дошли до Офицерской. — Ты слышал, Генри? Крыса назвала профессора папой. У него что, дочь — грызун?

— У него дочь — человек, — мрачно ответил кот, не оборачиваясь. — Которая, судя по всему, превратилась в крысу. Добровольно или нет — вопрос. Помнишь «Эссенцию Седьмого Чувства»? Я говорил, что она может не только отнимать вкус и возвращать память. Она может... менять. Менять сущность.

Мышкин остановился как вкопанный.

— Ты хочешь сказать, что профессор Безвкусный превратил собственную дочь в крысу?

— Или она сама превратилась. В науке бывает. Помнишь того мопса? Платона? Он был профессором, а стал собакой. Не по доброй воле. Пробовал зелье на себе. Так что в этом деле всё возможно.

Они дошли до квартиры. Генри первым запрыгнул на подоконник, Мышкин упал в кресло, не снимая шинели. Голова шла кругом. Памятник Крылову, подземелье Петра, говорящий дуб, скелет из гипса, профессор-маньяк, а теперь ещё и крыса, которая называет его папой. За десять лет службы в сыскной полиции Иван Андреевич привык к чудесам. Но не к таким.

— Генри, — сказал он, — а ты уверен, что мы не спим? Может, нас отравили той самой эссенцией, и теперь нам всё мерещится?

— Уверен, — кот спрыгнул с подоконника и подошёл к столу. — Я спал всего два часа за последние сутки. В таком состоянии галлюцинации не бывают. Бывает только паранойя. А паранойя, в отличие от галлюцинаций, часто оказывается правдой.

В дверь постучали. На этот раз — не дворник Никифор, не квартальный Бобров, а маленькая, аккуратная посылка, перевязанная чёрной лентой. Посылка стояла на пороге сама по себе. Без посыльного.

— Это ловушка, — сказал Генри.

— Это улика, — возразил Мышкин и открыл коробку.

Внутри лежала крыса. Маленькая, серая, с розовыми лапками и умными глазами. На шее у неё висел крошечный бейджик: *«Лизавета Безвкусная, 1822 г.р.».* Крыса сидела на бархатной подушечке, держала в лапках кусочек сыра и читала... Уголовный кодекс Российской империи. Томик был открыт на статье «О краже памятников особой важности».

— Здравствуйте, — сказала крыса человеческим голосом. Голос был молодым, звонким, с лёгкой хрипотцой. — Вы, наверное, удивились. Я — Лиза. Дочь профессора Безвкусного. И я пришла сдаться.

Мышкин поперхнулся воздухом.

— Сдаться? В чём? Вы украли памятник?

— Нет, — крыса вздохнула и отложила Уголовный кодекс. — Памятник украл мой отец. Но я помогала ему. Сначала — по доброте душевной. Потому что он обещал вылечить меня. Видите ли, я... я не чувствую вкуса с рождения. Как и он. Как и многие члены нашего Общества. Отец создал эссенцию, чтобы вернуть нам вкус. Но что-то пошло не так. Я выпила её в семь лет. И с тех пор... — она развела лапками, — я крыса. Периодически. То превращаюсь обратно в человека, то снова. Обратно — только на полнолуние. И то если выпью особый эликсир.

— И где вы сейчас? — спросил Генри, пристально глядя на крысу. — В человеческом обличье или в этом?

— В этом, — Лиза потупилась. — Сегодня не полнолуние. И эликсир кончился. Отец обещал сделать новый, но он всё время занят своими планами. Я устала. Я хочу домой. К маме. Но мама живёт в Твери и думает, что я учусь в Смольном.

Мышкин почувствовал, как у него защипало в глазах. История была трагичной. И одновременно абсурдной. Дочь профессора — крыса. Читает Уголовный кодекс. Хочет сдаться властям.

— Лиза, — мягко сказал он, — вы знаете, где ваш отец прячет настоящий памятник Крылову?

— Знаю, — кивнула крыса. — В подвале Казанского собора. Там у него тайная лаборатория. Он делает там новую партию эссенции. На этот раз — для превращения людей в животных. Он хочет, чтобы все, кто когда-либо обижал героев басен, стали теми, кого они обижали. Чиновников — в муравьёв. Генералов — в волков. Журналистов — в сорок. А себя... себя он хочет превратить в слона. Потому что слон никого не боится.

Генри фыркнул.

— Слоны боятся мышей. Ваш отец, кажется, не читал басню «Слон и Моська».

— Он её терпеть не может, — призналась Лиза. — Говорит, что это клевета на слоновью породу.

Мышкин встал. Усталость прошла. На её место пришло холодное, сосредоточенное спокойствие — то самое, которое Генри называл «режимом берсерка без бутерброда».

— Идём, — сказал асессор. — В Казанский собор. Генри, ты со мной?

— А куда я денусь, — вздохнул кот. — Хотя, честно говоря, я бы лучше поспал. Или поел. У нас в доме есть хоть что-нибудь, кроме цикория?

— В шкафу стоит банка снетков, — вспомнил Мышкин.

— Снетки — это для нищих, — обиженно сказал Генри. — А я — кот императорского уровня. Мне нужна сметана. Или хотя бы ряженка.

— Ряженка кончилась вчера.

— Тогда потерплю. Но запомню.

Они вышли на улицу. Лизу Мышкин посадил в карман шинели — там было тепло и сухо. Генри шёл впереди, как заправский проводник. Ночь опустилась на Петербург окончательно и бесповоротно. Фонари горели тускло, извозчики спали на козлах, и только редкие прохожие спешили по домам, кутаясь в воротники.

Казанский собор возвышался во тьме, как гигантский спящий зверь. Колоннада блестела от дождя, купола уходили в небо, а на паперти сидел нищий и играл на губной гармошке «Соловья» Алябьева. Нищий был пьян, но играл чисто.

— Вход в подвал — с левой стороны, — прошептала Лиза из кармана. — Там есть неприметная дверь. За ней — лестница. Внизу — три поворота, потом зал. В зале — лаборатория.

— Охрана? — спросил Генри.

— Два кота. Но они не настоящие. Это чучела. Отец поставил их для устрашения. Он боится кошек.

— Разумный страх, — заметил Генри.

Они нашли дверь. Она была не заперта — видимо, профессор слишком торопился в прошлый раз. Мышкин толкнул её, и она открылась с протяжным скрипом, будто жаловалась на жизнь. Внутри пахло сыростью, плесенью и... жасмином. Снова жасмин. Мышкин поморщился.

— У него вся лаборатория провоняла этой дрянью, — сказала Лиза. — Я говорила ему: поставь вытяжку. Он не слушал. Говорил: вытяжка мешает творчеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.